

ПРОБЛЕМА НАЦИЙ И НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКЦИИ

THE PROBLEM OF NATIONS AND NATIONAL BUILDING: THEORETICAL DISCOURSE IN THE CONTEXT OF HISTORICAL RETROSPECTIVE

CZU: 321:342.1(091)

[https://doi.org/10.52327/1813-8489.2022.4\(116\).09](https://doi.org/10.52327/1813-8489.2022.4(116).09)

Василий САКОВИЧ,
доктор хабилитат политических наук, профессор,
Молдавский Государственный Университет

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается историческая ретроспекция термина «нация» со времени появления данного термина в Древнем Риме до современного его понимания. Показано, что в науке и практике не сформировано единое мнение относительно категории «нация» и ее характеристик.

Обосновывается, что государство должно уделять особое внимание нациестроительству, так как нация, как сложная единая социокультурная система крайне важна для национальной солидарности и укрепления национальной государственности, стабильности политически-правовой жизни государства, обеспечения национального интереса.

Ключевые слова: *нация, образование, характеристики, государство, нациестроительство, солидарность, стабильность, национальный интерес.*

REZUMAT

Articolul examinează retrospectiva istorică a termenului „națiune” de la apariția acestui termen în Roma antică până la înțelegerea sa modernă. Se arată că nu există un consens în știință și practică cu privire la categoria «națiune» și caracteristicile acesteia.

Se dovedește că statul ar trebui să acorde o atenție deosebită construirii națiunii, deoarece națiunea, ca sistem socio-cultural unificat complex, este extrem de importantă pentru solidaritatea națională și consolidarea statalității naționale, stabilitatea vieții politice și juridice a statului, asigurând interesul național.

Cuvinte-cheie: *națiune, educație, caracteristici, stat, construirea națiunii, solidaritate, stabilitate, interes național.*

Мы живем в мире национальных государств, в котором категории «национальный интерес» и «национальная безопасность» являются важнейшими общепринятыми научными категориями и практическими понятиями в контексте обоснования внешнеполитического курса государств, обеспечения национальной и международной безопасности.

В настоящее время априори предполагается, что «... все человечество органично поделено на группы (нации), и проекции этих групп на политическое пространство формирует границы национальных государств» [23, с. 232].

Вместе с тем, категории «национальный интерес», «национальное государство», как показывает анализ, не так однозначны, как кажется и применяются без должного осмысления и понимания их сущности и взаимосвязи с другими государствообразующими и нациеобразующими категориями. Чтобы понять, что такое национальный интерес, надо понимать, что такое национальное государство, а для этого нужно знать, что такое нация. Поэтому, по нашему мнению, национальный интерес необходимо рассматривать в диалектической взаимосвязи с такими стержневыми концептами как нация, национальное государство, суверенитет, национальная политика в их исторической ретроспекции.

Следует отметить, что глубокая привязанность к родной земле, к местным традициям и обычаям с различной силой проявлялись у людей всегда и поэтому термин «нация» (от

лат. *natio*, которое в свою очередь восходит к *nasci*, что означает «рождаться») использовался еще в Древнем Риме наряду с термином греческого происхождения «этнос» (*ethnos* – народ). Впоследствии нацией стали называть общности, образованные в результате слияния нескольких этносов, но такой подход в дальнейшем не оставался единственным.

Современное понимание нации стало складываться в XVIII в., когда после французской революции 1789 г. Франция перестала быть государством королей и стала государством народа – национальным государством.

В научном смысле впервые термин «нация» стали употреблять великие европейские мыслители Жан Жак Руссо, Дидро, аббат Эммануэль-Жозеф Сийес у которых «нация изображалась одновременно и предшествующей всему политическому и производной от государства» [24, с. 113–114].

Много дискуссий об *образовании наций и ее сущности* велись постоянно, начиная с XVIII в. по настоящее время. Бурный отклик среди ученых в XVIII в. таких как Эрнст Мориц Арндт (1769 – 1860), Фридрих Людвиг Ян (1778 – 1852), Генрих Луден (1788 – 1847) и других [13, с. 116–117] получил образ нации как *языковой общности*. Широкою известность получило стихотворений Арндта «Отечество у немца», дающее на это вопрос четкий ответ: «Где отечество у немца? – всюду, где звучит немецкая речь» [32, с. 178 – 180; 24, с. 121].

В науке того периода (XVIII в.) «нация изображалась одновременно

предшествующей всему политическому, и *производной от государства*» [24, с. 114]. То есть государства еще не было, но нация, по мнению Томас Пейн (1739–1809), уже существовала и границы ее уже были известны. Причем за границы ее подавались границы не государственные, а географические, которые проектировались на общество, а затем и на политическое руководство. Томас Пейн отмечал: «настоящее время является <...> тем особым временем, которое бывает в жизни нации лишь единожды – это *оформления ее как государства*» [24, с. 114].

Французская революция положила начало на «непреходящую моду на национальное государство» [24, с. 112], подняла на щит теорию *народного суверенитета*, как осязаемой альтернативы суверенитету монарха. В эпоху французской революции *под нацией* понималось сообщество граждан, определяющих коллективный суверенитет. Выдвинутый концепт *народного коллективного суверенитета* как источник *суверенной власти нации* рассматривает государство как продукт воли народа. Это соответствовало идеям Джона Локка и Жан-Жака Руссо, получивших широкое распространение о концепте *народного суверенитета* как воли народа и государство, как ее продукт. Локк в своем труде «Два трактата о правлении» постулировал, что источником всей политической власти в государстве является народ (гражданская нация) [24, с. 112]. Государство по Руссо не просто вырастает на фундаменте общества, оно пребывает в постоянном подчинении ему.

«Народное полномочие является у него не только как верховный источник всех общественных властей, но как <...> идеальное устройство, в котором неразрывно сочетаются оба противоположных элемента человеческого общежития: личный и общественный» [24, с. 112]. Идеи Руссо развивали другие теоретики и практики, поддерживающие права народа на народный суверенитет Робеспьер [27, с. 100–109], Луи-Антуан Сен-Жюст [28], Жан Поль Марат [17, с. 287–301] и другие.

В последующем аргументация народного суверенитета для формирования нации только усиливалась. Так, например, Симон Боливар подчеркивал значимость народного суверенитета – «единственного легитимного основания власти нации» [33, с. 61–62]; или известная формула народного суверенитета Авраама Линкольна – «правительство народа, избранное народом и для народа» [24, с. 116]. Можно привести и другие примеры в поддержку народного суверенитета. Этот постулат – права народа на суверенитет, сделал народ и государство почти синонимами, что резко контрастировало с доктриной абсолютной монархии, наиболее ярко выраженной в известном высказывании короля Людовика XIV: «Государство – это я».

Но, самое заметное научное и практическое значение для национал-строительства имели положения французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г., в которой нация была объявлена «источником суверенной власти». И это при том, на что следует обратить особое внима-

ние, что помимо собственно французов во Франции проживали эльзасцы, баски, бретонцы, каталонцы, корсиканцы, фламандцы, окситанцы и все они по Декларации были объявлены французской нацией, в которой говорится, что «Источником суверенной власти является *нация*. Никакие учреждения, ни один индивид не могут обладать властью, которая не исходит явно от нации» [12].

Таким образом, впервые в истории нациестроительства нация в тот исторический период (XVIII в.) стала представлять *общий интерес всего населения без этнических отличий*, которые не имели существенного значения. Общность языка была важна только в сугубо прагматичном плане. В таком виде нация – *политическое сообщество* по волеизъявлению всего народа, принадлежность к которому не зависит от социального, конфессионального или этнического происхождения. Тем самым любому гражданину государство обеспечивает национальную идентичность [22, с. 455].

Данная формула нации, изложенная во французской Декларации, оказала сильное воздействие на формирование идеи суверенитета государств в новое и новейшее время, нашла отражение в конституциях многих стран.

Но эти идеи французской Декларации в последующем не отменили научные дискуссии о сущности нации, суверенитета государства, которые продолжились в XIX в. По мнению французского философа, профессора Жозеф Эрнест Ренана (1823–1892) нацию образует «две вещи», «одна»

– в прошлом, другая – в будущем. Одна – это общее обладание богатым наследием воспоминаний, другая – общее соглашение, жить вместе ...» [26, с. 102], а также «воля» и «солидарность». Согласно его определению, «...нация есть... великая солидарность как результат священных чувств к принесенным жертвам и тем, кои в будущем еще будут принесены. Нация предполагает прошедшее; в настоящем она его повторяет... ясно выраженным согласием, желанием продолжать жить сообща. Существование нации... есть ежедневный плебисцит» [10]. Британский философ и социолог, основоположник позитивной философии и социологии Джон Стюарт Милль (1806–1873) полагал, что основу национальности составляют «общие симпатии», когда входящие в нее люди объединены общими чувствами, каких нет между ними и другими людьми. Под их влиянием люди «охотнее посвящают себя общей деятельности, чем в союзе с другими народами, желают находиться под одним правительством и хотят, чтобы это правительство состояло из них самих или из известной их части» [18, с. 162]. Причем Милль в качестве причин солидарности называл: единство происхождения, расы, языка, веры, территории проживания, «общность воспоминаний», общую историческую судьбу [24, с. 162]. «Жить на одной территории, в одинаковых природных условиях и, что менее существенно, но все же важно, переживать общую историю и находиться под влиянием общих законов – значит приобретать некоторые общие

воззрения и свойства, часто называемые национальным характером» [14]. В целом Дж. Стюарт Милль и Эрнест Ренан, впервые обратили внимание на важную роль в процессе формирования наций (национальностей) именно культурных компонентов, под воздействием которых формируется и функционирует «национальное сознание» и «самосознание». Испанский философ Ортега-и-Гассет (1883–1955) призывал отбросить «балласт прошлого» и принять нацию как «функцию будущего» и продукт воображения, чтобы «нация была, достаточно одного помысла ...», а национальное государство – как «...историческую структуру, родственную плебисциту» [19, с. 167–168].

В первой половине XX в. в эпоху расцвета национализма в отдельных государствах нациеобразующим признаком стало считаться *кровное родство*. «Одна кровь – одно государство» провозглашал А. Гитлер [11].

Вместе с тем, следует отметить, что в и этот период в науке в отличие от политических взглядов фашиствующих националистов преобладали другие научные подходы к определению нации. Так, австрийский ученый Отто Бауэр (1881-1938 – знаковая фигура для мировой социал-демократии XX в.): «нация – это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы» [3, с.88]. В этих рамках Бауэр определяет нацию через «национальный характер», который в свою очередь проясняется через «волю» – соответственно, например, «национальная культура» – это то, что производит нацию, по-

скольку через усвоение «культурных ценностей нации» индивид делается ее членом – разделяя и производя ее волю [31]. Американский экономист Мюррей Ротбард (1926–1995) провозгласил принцип «нация по согласию».

В советский период классическим определением нации считалось определение, данное И. Сталиным: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникающая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [29, с. 296]. Схожий вариант сформулировал первый Президент Турецкой республики Мустафа Кемаль Ататюрк: «Сообщество людей, которые совместно проживали в прошлом, продолжают совместное проживание в настоящем, а также <...> решительно настроены совместно проживать и в будущем, их объединяет общая родина, общие язык, культура и мироощущение» [8, с. 131].

Проведенная нами историческая ретроспекция понятия категории «нация» показывает широкий разброс предлагаемых ей характеристик: по языку, крови, культуре, по общим мифам и воспоминаниям, представлению об общем будущем, характеру, духу, мироощущениям и др. Более того, все эти многочисленные характеристики и предлагаемые определения категории «нация» не дают ясности по механизму существующего разделения мирового политического пространства на государства-нации, а всего лишь, так или иначе, обосновывают национальный характер существующих государств. Это дало ос-

нование многим ученым скептически относится к возможности дать характеристику или определить критерии понятия «нация». Так, американский философ и историк Г. Кон (1891–1971) отмечал, что никакой традиционный критерий не может считаться обязательным условием существования нации, поскольку «население Соединенных Штатов не имеет общего происхождения, а население Швейцарии, говорящее на трех-четырёх языках, тем не менее образует вполне определенную нацию» [13, с.89]. Джон Стюарт Миль писал, что ни один из предложенных им факторов формирования национальной солидарности не является необходимым или достаточным – «швейцарцы воодушевлены сильным национальным чувством, хотя этот народ состоит из различных племен, говорящих на различных языках и исповедующих разные веры» [18, с. 125]. Бауэр аргументировал непригодность выбора языка в качестве определяющего признака тем, что «англичане и ирландцы, датчане и норвежцы, сербы и хорваты говорят на одном языке, не представляя собой, однако, единого народа; евреи вообще не имеют общего языка и составляю, тем не менее, нацию» [2, с. 88]. И таких примеров разного и довольно противоречивого подхода ученых к пониманию термина и сущности нации можно приводить много, суждения которых в определенной степени зависят от *конкретных политических обстоятельств и личных особенностей наблюдателя*. Например, крайности восприятия можно проиллюстрировать, с одной сто-

роны, утверждением Генри Морлея о том, что «в литературе любого народа, при всех контрастах форм, вызванных меняющимися социальными факторами, эти формы, от первой до последней, раскрывают нам единственный национальный характер», а с другой стороны – мнением Д.М. Робертсона, согласно которому «нация, представленная в виде извечного антропоморфного существа, есть, по большому счету, просто метафизическая фантазия». Между этими двумя крайностями находится компромиссная позиция Фрэнсиса Гэлтона, считающего, что «разные стороны многогранного характера человека реагируют на различные воздействия окружающей среды; таким образом, один и тот же человек, а уж тем более один и тот же народ может проявлять себя по-разному в разные времена». Люди и их характеры невероятно сложны: чем сложнее характеры, тем менее примитивны люди. Это правило еще более справедливо для такого сложного организма, как *нация* [14].

Вместе с тем, несмотря на полярные взгляды ученые в какой-то степени согласились с обобщенным взглядом и позицией английского историка, одного из ярких исследователей национализма как политического явления Джона Бройи [5, с. 204] на термин «нация»:

1. Существует нация – конкретная группа, обособленная от всех от всех остальных человеческих существ.

2. Объектом политической идентификации и лояльности в первую очередь и главным образом является нация.

3. Нация должна иметь политическую автономию, лучше всего – в форме суверенного государства.

Таким образом, процесс групповой идентификации (образование нации) предлагается производить, с одной стороны вроде бы понятным критериям: языку, происхождению и вероисповедованию и, с другой стороны, куда более туманным категориям «общей национальной судьбы», «национального характера», «национального духа» в целом привел к довольно обобщенному критерию, выраженному Джоном Бройи, который мы привели выше. Вместе с тем ни один из критериев не дает возможности сформировать научную матрицу принципов формирования политической карты мира на основе существования наций и государств-наций. Как писал Поппер «никто не может внятно сказать, что он имеет ввиду под нацией, чтобы этот фактор мог послужить основанием для практической политики» [25, с. 63]. Вместе с тем, следует отметить, что, во-первых, формирование нации происходит исторически из невероятного множества разнообразных индивидуумов; во-вторых, в течение своей жизни нация подвержена огромному количеству исторически разнообразных воздействий и влияний, которые меняют и формируют ее. Поэтому, на наш взгляд, данный анализ понятия «нация» можно завершить словами испанского философа Хосе Ортега-и-Гассета «Известно, что еще не удалось дать определение нации, если брать это слово в его современном значении» [19, с. 156].

Вместе с тем в настоящее время «...с верой в общую производительность политического и общественного привело к формированию стойкого образа *воображаемой* естественной политической карты мира...» [24, с. 120] с *государствами-нациями*. Основная причина данного общественного феномена в том, что сложился общественный образ *воображаемого*, который привел к тому, что национальные государства существует в глобальном политическом пространстве *не только в реальном, но и в виртуальном* (воображаемом) измерении. «Ибо, раз появившись в виде политического проекта, идеальный тип национального проекта в представлениях постепенно распространяется по всему свету. И в данном случае неважно, что социальное и политическое сущее того или иного государства капитально не совпадает с им же признанным должным. Несовпадение отнюдь не мешает его властному рупору полагать, что государство, аттестующее национальным только потому, что и на бумаге, и в штатном расписании оно наделено общеизвестными атрибутами national-state, таковым и является...». Причем «...государства-нации представляли не продуктами общественной деятельности <...>, а бесстрастным отражением групп-наций на политическом пространстве» [24? с/120].

Следует отметить, что степень расхождения между идеальным и реальным положением государства может сильно различаться. По мнению ученых, с которым нельзя не согласиться, *идеальный тип национального государства* предполагает

совпадение пространства суверенитета Вестфальской модели и ареала языка образования, с одной стороны, равенство прав и обязанностей его граждан, с другой [21, с. 13]. В результате этого вывода в политической практике определился простой подход к определению нации – как простой *совокупности граждан* суверенного государства, то есть установилось «государственноцентричное» [6, с. 102–103] понимание нации. В этом случае государственные границы совпадают с границами общества, и государство первично, нация – вторична, что явилось основой современного нациестроительства.

Вместе с тем, все признают, что в современном мире количество наций и количество государств не совпадают, огромное количество наций не имеют своих государств. Английский социолог и философ Э. Геллнер находит выход в разделении наций на реальные и потенциальные. Первые имеют свою государственность, а потенциальные нации так и остаются таковыми. Причем Э. Геллнер имеет в виду прежде всего Европу, те народы, которые оказались в рамках существующих национальных государств: шотландцев, фламандцев, уэльсцев, каталонцев, басков, валлонов, корсиканцев и т.д. Это лишь «потенциальные нации», у них даже нет собственной культурной самобытности [9, с. 111]. В этом и заключается парадокс и противоречия предложенной теории идеального национального государства.

В дальнейшем, в современный период исходя из принципа государ-

ственноцентричного понимания нации и понимания нации как простой *совокупности граждан* суверенного государства ученые стали исследовать сущность нации, давать ее характеристики и определения.

Сущность нации проявляется во всевозможных национальных движениях людей, объединенных общими интересами, мотивами и целями. Такие группы создаются осознанно и даже целенаправленно.

Исследователи выделяют три теоретические модели наций:

- модель принимает нацию за племя и берет за основу антропологический подход к рассмотрению соотношения государства и нации;

- модель базируется на идеях эпохи Французской революции. В то время нацию приравнивали к общности граждан;

- модель строится на этнокультурном подходе, по которому нация считается общностью, сформировавшейся культурно и исторически [16].

Американский антрополог Катрин Вердери пишет: «Нация это аспект политического и символического/идеологического порядка, а также мира социального взаимодействия и чувства. Нация есть ни что иное, как государство-нация: политическая форма территориального суверенитета над подданными и культурная (языковая и/или религиозная) гомогенизация группы, накладываясь друг на друга, порождают нацию». Нация, по К. Вердери, имеет идеологический и политический смысл [7, с.300], поэтому для разных периодов развития политической мысли можно проследить

историческую эволюцию понимания концепта «нации» как категории политической науки.

По мнению российских ученых «...нация – это политический проект, в основе которого лежит коллективное самоопределение в форме общеразделяемой идентичности на принадлежность к той или иной отличительной общности – отличительной прежде всего в политическом, историческом и культурном смыслах, но эта культура не обладает гомогенным характером». И далее «...процесс создания национальных государств сопровождался нациестроительством, стиранием этнокультурных, языковых и регионально-исторических различий» [1, с. 319, 315].

Процесс нациестроительства для суверенитета и стратегического развития государства является крайне важным, потому что из всех социальных групп и общностей именно нация обладает внутренней национальной солидарностью, мощным эмоциональным зарядом, что, безусловно, является мощным фактором к сплочению общества и государства. Национальная солидарность формируется из самых первооснов национальной жизни – духовного единства, направленного на сохранение и развитие национальной общности, реализацию ее интересов, традиций, унификацию моральных, правовых и других проявлений жизни, целиком располагаясь в *коллективной национальной субстанции*, в которой развивается совместная духовная жизнь, посредством которой она структурно связана с остальным социальным ми-

ром, не растворяясь в нем. Данный вывод можно ярко увидеть в определение нации, данным видным философом П. А. Сорокиным «Нация является многосвязанной, многофункциональной, *солидарной, организованной, полужакрытой* социокультурной группой, по крайней мере, отчасти осознающей факт своего существования и единства. Эта группа состоит из индивидов, которые, во-первых, являются гражданами одного государства; во-вторых, имеют общий или похожий язык, в-третьих, занимают общую территорию, на которой живут они и жили их предки» [30].

Это подтверждается и выводами М. О. Мнацаканяна [20, с. 84], который показал природу этой национальной субстанции: а) социальная форма ассоциации индивидов; б) способы, которыми они сгруппированы и связаны; в) проводники символического взаимодействия; г) внешние условия и факторы их объединения (территория, язык и т.д.); имманентные внутренние свойства данной социальной формы ассоциации и взаимодействия – историчность, устойчивость, атрибутивность, интенсивность, солидарность.

В современных условиях нация – это *сформировавшееся гражданское общество и политическая общность в определенных государственных границах на определенной территории*. Это крупные социально-политические организмы, имеющие общую историю, традиции, высокую степень культурной совместимости образующих нацию этносов [15]. в современных исследованиях, обращая внимание на то, что принадлежность

к нации определяется человеком в процедурах самоидентификации, «нация» понимается не как «группа», а как «социальная общность», то есть связанная посредством воображения и сплоченная общими чувствами идентичности и солидарности, общими ценностями прошлого и настоящего *социокультурная общность людей, политически объединенных в одном государстве.*

На соответствующей территории наличие нации определяется общностью законов и правовых институтов; на базе этой общности члены нации должны иметь одинаковые права и обязанности, что в принципе предполагает отсутствие исключений, связанных с расой, цветом кожи, полом, религией, возрастом, языком и пр. В практике мировой политики в важнейших международно-правовых документах, уже на протяжении многих

десятилетий понятие *нация* используется как синоним суверенного государства – это политическая реальность современности. Трактовка понятия нация как синонима государства закреплена в одном из важнейших международно-правовых документов – в Хартии Организации Объединенных Наций (United Nations Organization).

Таким образом нация это сложная единая социокультурную система, многосвязный социальный организм, многосвязная социальная группа, что, безусловно, формирует ее национальную солидарность. Кроме того, национальной солидарности способствует и история становления и развития любой нации и формирования ее *интересов* - как история борьбы за становление национальной государственности, адекватной нации форм и условий политически-правовой жизни государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антропология и этнология: учебник для бакалавриата и магистратуры/ под ред. В. А.Тишкова. М.: «КДУ», «Университетская книга», 2018, с. 319.
2. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия // *Нация и национализм*, с. 88.
3. Бауэр О., Хрох М. и др. Праксис, 2002. С. 204.
4. Бутенко А. П., Миронов А. В. Сравнительная политология в терминах и понятиях. <http://www.politike.ru/dictionary/276/word/nacija> (дата обращения 21.10.2022 г.).
5. Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма // *Нация и национализм / Андерсоно*
6. Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма // *Мифы и заблуждения при изучении империи и национализма / под ред. Герасимова И., Могильнер М., Семенова А. М.: Новое издательство, 2010, с. 102–103.*
7. Вердери К. Куда идут «нации» и «национализм»? // *Нации и национализм*. М., 2002.
8. Габер Е. Турция: эволюция представлений о национальном государстве (1920-е гг. – начало XX в.) // *Трансграничные вызовы национальному государству*. СПб.: Интерсоцис, 2015.

9. Геллнер Э. Нации и национализм // Пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной; Ред. и послесл. И. И. Крупника. М.: Прогресс, 1991.
10. Гранин Ю. Д. «Нация» и «Этнос» эволюция подходов и интерпретация в философии и науке XVIII - XX столетий. Вопросы философии. http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1195
11. Гитлер А. Моя борьба. М.: Т-ОКО, 1992.
12. Декларация прав человека и гражданина 1789 года (статья 3). <http://larevolution.ru/declaration.html> (дата обращения – 12.11.2022 г.).
13. Кон Г. Азбука национализма // Проблемы Восточной Европы. Вашингтон, 1994, № 41-42.
14. Кон Г. Идеи национализма. <https://openuni.io/course/9-course-7-2/lesson/5/material/809/> (дата обращения – 4.12.2022 г.).
15. Кокошин А. А. О национальных интересах и национальной безопасности // М.: Изд. ИСПИ РАН, 2017.
16. Куликова К. Б. Государство, этнос и нация: соотношение и взаимосвязь // Молодой ученый. 2017. № 48 (182). С. 251-254. <https://moluch.ru/archive/182/46785/>
17. Марат Ж. П. Дар отечеству // Избранные произведения, в 3 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
18. Миль Дж. Ст. Представительное правление, Публицистические очерки. СПб.: Издание Ф. Павленкова, 1897. С. 162 / цит. по: Попов Ф. Становление и развитие представлений о национальном государстве: очерк историографии понятия.
19. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Сб., М.; АСТ, 2002.
20. Мнацаканян М. О. Нации и национализм. М., 2004, с. 84.
21. Панарин С. Национальное государство перед вызовом трансграничных воздействий: предисловие // Трансграничные вызовы национальному государству. СПб, Интерсоцис, 2015.
- 22.. Политология: учебник // под ред. Решетникова С. В. Минск. ТетраСистемс, 2013.
23. Попов Ф. Принцип национального государства как угроза существованию национального государства // Трансграничные вызовы национальному государству. СПб.: Интерсоцис, 2015.
24. Попов Ф. Становление и развитие представлений о национальном государстве: очерк историографии понятия // Трансграничные вызовы национальному государству. СПб.: Интерсоцис, 2015.
25. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс, и другие оракулы. М.: Феникс, Межд. фонд «Культурная инициатива», 1992.
26. Ренан Э. Что такое нация? Собрание сочинений в 12 т. Киев, 1902. Т. 6.
27. Робеспьер М. Против королевского вето. Речь в Национальном собрании 21 сентября 1789 г. // Избранные произведения, в 3 т. Т. 1. М.: Наука, 1965.

28. Сен-Жюст Л-А. О Конституции Франции. Речь, произнесенная в Национальном конвенте 24 апреля 1793 г. // Речи. Трактаты. СПб.: Наука. 1995.

29. Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Сочинения, М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1946. Т. 2.

30. Сорокин П. А. The Essential Characteristics of the Russian Nation in the Twentieth Century // цит. по: Нация в творческом наследии Питирима Сорокина. <https://vrns.ru/news/natsiya-v-tvorcheskom-nasledii-pitirima-sorokina/> (дата обращения 10.11.2022 г.).

31. Тесля А. «Государство национальностей» и теория национализма Отто Бауэра // Вопросы национализма, 2016 № 3 (27). <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-natsionalnostey-i-teoriya-natsionalizma-otto-bauera/viewer> (дата обращения – 19.10.2022 г.).

32. Arndt E. M. German's Fatherland // Anthologia Germanica. German Anthology: A Series of Translations from the Most Popular German Poets by J. C. Mangan. Vol. I. Dublin: Willam Curry Jun and Co, 1845, p.178-180.

33. Bolivar S. Address to the Constituent Congress // El Libertador: Writings of Simón Bolívar. Ed. by D. Bushnell. New York: Oxford University Press, 2003, p. 115.

34. Konnor W. Nation is nation, is state, is ethnical group, is... // Ethnos and politics. Compiled by A. A. Przauskas. M.: URAO, 2000 P. 61-62 (Russian translation).